

Воспоминанія о моей жизни и ученіи въ Сергіевскомъ посадѣ. (1825—1830).

III.

Въ сентябрѣ 1828 года начался седьмой курсъ, и въ то же время новопоступившіе студенты составили младшую половину VIII-го курса. Последнее для меня имѣло особенное значеніе, потому что я сталъ по совѣту почтеннаго наставника моего Голубинскаго посѣщать лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ Академіи.

Ө. А. Голубинскій въ это время преподавалъ мнѣ на дому логику и психологію, а на академическихъ лекціяхъ читалъ онъ метафизику и исторію древней философіи.

Въ изслѣдованіяхъ о Богѣ, мірѣ и душѣ человѣческой Голубинскій держался системы Канта, хотя и предпочиталъ ему Якобія; тотъ послѣдній, Баадеръ и Зайлеръ нравились ему особенно по религіозному направленію. Пробнымъ камнемъ мудрости человѣческой было для Голубинскаго Божественное откровеніе. Первую лекцію онъ начиналъ чтеніемъ изъ книгъ Соломоновыхъ. Развивая начала древней мудрости, онъ признавалъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми отцами и учителями Церкви, что все лучшее въ ученіи древнихъ философовъ не могло истекать изъ самостоятельной дѣятельности разума, но было заимствовано отъ Іудеевъ, получившихъ Божественное откровеніе. Съ этой именно стороны замѣчательна особенная привязанность его къ философіи древнихъ Китайцевъ, Индусовъ и Зороастра. Эти трактаты были обработаны у него съ особенною тщательностію; при изученіи ихъ оказывались въ ученіи древнихъ азіатскихъ мудрецовъ такіе проблески идей и нравствен-

ныхъ понятій, на которыхъ позднѣйшая философія основала свои выводы и нравоученія. При такомъ взглядѣ на науку Голубинскій не могъ питать исключительнаго довѣрія къ авторитету позднѣйшихъ основателей разныхъ философскихъ ученій и открывалъ вліянія философіи Востока на многія новѣйшія системы. Слѣдя за современнымъ ходомъ науки, онъ обличалъ недостатки новыхъ Германскихъ умствованій, облеченныхъ туманомъ отвлеченности. Такъ о Шеллингѣ говорилъ онъ, что этотъ философъ отъ одного берега отсталъ, а къ другому не присталъ. Когда система Гегеля надѣлала такъ много шума въ Европѣ, и у насъ появилось не мало поклонниковъ ея, О. А. увлекательно говорилъ съ кафедръ, поражая новое ученіе оружіемъ слова, укрѣпленнаго зрѣлымъ знаніемъ мудрости всѣхъ временъ и силою слова Божія. Гегель, по его мнѣнію, хотя и признавалъ развитіе, но не могъ разрѣшить вопросовъ: какъ изъ предыдущаго развивается послѣдующее, откуда берется новое въ жизни и гдѣ источникъ этому истеченію? Отвѣтъ можетъ быть данъ только тогда, когда въ основу развитія полагается полнота бытія; а у Гегеля бытіе равно небытію, и даже самое бытіе, по его же собственному выраженію, составляетъ плохую неоконченность (*ist eine schlechte Unendlichkeit*).

Любимымъ предметомъ умственной психологіи для христіанскаго мыслителя было ученіе о безплотныхъ духахъ и о состояніи души человѣческой по разрѣшеніи отъ тѣла. Онъ собиралъ древнія преданія, разсѣянные у послѣдователей Талмуда и Каббалы, разказы о ясновидящихъ, о явленіяхъ изъ духовнаго міра, сочиненія Мейера и Кёрнера. Книгу послѣдняго: „Die Scherin von Prevoſt“ онъ всю перевелъ на русскій языкъ. Но и въ этихъ изслѣдованіяхъ онъ ставилъ мѣриломъ истины ученіе православной церкви: въ домашнихъ его выпискахъ первое мѣсто между проявленіями загробной жизни занимаютъ видѣнія блаженной Θεодоры и отроковицы Музы.

Философскія изслѣдованія Голубинскаго отличались направлениемъ еологическимъ; но это направленіе не имѣло ничего общаго съ созерцаніями Бёма и Шведенборга, которымъ онъ никогда не сочувствовалъ, не смотря на то, что любознательность сблизила его съ современными ему.

масонами, почитавшими Бёма однимъ изъ лучшихъ своихъ учителей. Ученіе Голубинскаго ближе подходитъ къ духу Баадера, за исключеніемъ того, что нашъ мыслитель предпочиталъ разуму болѣе правъ на изслѣдованіе истины и не превращалъ философскаго ученія въ богословское: какъ религіозныя его убѣжденія никогда не встрѣчали противорѣчій со стороны изложенія предметовъ вышеопытныхъ, такъ и умственныя изслѣдованія не были стѣсняемы богословскимъ догматизмомъ.

Таковъ былъ знаменитый мой наставникъ въ ту лучшую эпоху моей жизни, когда я началъ пользоваться его уроками, хотя онъ еще не обладалъ тою извѣстностію, которую приобрѣлъ позднѣе не только въ Россіи, но и въ Европѣ; тогда еще не зналъ его Шеллингъ, который впоследствии спрашивалъ каждаго Русскаго, приходившаго къ нему: „знакомыли вы съ ученіемъ философа Голубинскаго?“.

Изъ исторіи философіи Ѳ. А. рассказывалъ о Зороастрѣ, о Конфуціи, о Лао-дзы и вообще о философіи древнихъ Китайцевъ и Индусовъ. Онъ говорилъ медленно, на отличномъ латинскомъ языкѣ, такъ что мы, слушающіе лекцію, могли все записать. Нѣкоторые изъ этихъ лекцій и теперь у меня цѣлы.

Съ особеннымъ вниманіемъ и даже иногда съ восхищеніемъ слушалъ я лекціи бакалавра Ѳ. А. Терновскаго-Платонова. Онъ преподавалъ всемірную исторію среднихъ вѣковъ, весьма краснорѣчиво и подробно излагалъ студентамъ 8-го курса, поступившимъ въ академію въ 1828 году, основаніе новыхъ западныхъ государствъ на развалинахъ Римской имперіи и еще увлекательнѣе описывалъ крестовые походы. Ни въ одной исторіи не находилъ я такихъ занимательныхъ подробностей и такой живой связи между событіями, какъ въ его запискахъ. Старательно записывали мы эти лекціи; рукописный экземпляръ ихъ долго хранился у меня, но въ недавнее время пропалъ. Какъ воспитанникъ старой Славяно-греко-латинской академіи, Ѳеодоръ Алексѣевичъ отлично владѣлъ латинскимъ языкомъ и написалъ латинское стихотвореніе на пріѣздъ въ лавру императора Николая I-го

Carmen gratulatorium.

Sancte, Pater, sub quo nos vivimus auspice, Sergi!
Quoque, precante Deum, propiores sistimus Ipsi,

Annue adoranti. Non te latet intima Regis.

Nec Reginae pietas... (Дальше не помню).

Митрополитъ Филаретъ не одобрилъ его къ напечатанію, сказавъ: „искусно написано, но не слѣдуетъ утруждать Государя непонятнымъ чтеніемъ“. Вообще Платоновъ-Терновскій не пользовался расположеніемъ митрополита. Прежде онъ преподавалъ церковную исторію, но однажды, сконфузившись на публичномъ экзаменѣ по вопросу о какой-то двери въ храмъ Соломоновомъ, переведенъ на классъ гражданской исторіи. Не смотря на продолжительную службу, онъ кончилъ жизнь бакалавромъ, въ 1833 году. Супруга его долго прожила вдовою.

Церковная исторія, которую преподавалъ архимандритъ Платонъ (Казанскій), особенно меня занимала. О. Платонъ магистръ втораго курса. По окончаніи курса былъ профессоромъ семинаріи, ректоромъ духовныхъ училищъ и священникомъ кафедральнаго собора въ Ярославль. Овдовѣвъ, постриженъ въ монашество въ 1829 году и перемѣщенъ въ семь году на должность бакалавра Академіи. Онъ очень складно и довольно подробно излагалъ XVIII вѣкъ всеобщей и русской церковной исторіи, приготовленный для публичнаго экзамена 1830-го года въ видѣ прибавленія къ классической книгѣ преосв. Иннокентія Пензенскаго, оконченой XVII вѣкомъ. Но вскорѣ судьба о. Платона перемѣнилась.—Онъ имѣлъ несчастье прилѣпиться всѣмъ сердцемъ къ нѣкоторому полковнику А. Дубовицкому, принадлежавшему къ хлыстовской сектѣ Татариновой и вѣрилъ ему дѣтей своихъ для воспитанія. Не смотря на предостереженіе со стороны митрополита и на требованіе, чтобы Платонъ прекратилъ всякія сношенія съ Дубовицкимъ, Платонъ, вопреки данному обѣщанію, продолжалъ имѣть съ нимъ тайныя свиданія, о чемъ сдѣлалось извѣстно въ Петербургѣ, и Платонъ былъ назначенъ ректоромъ въ Нижній - Новгородъ. Съ дороги онъ былъ взятъ и отвезенъ съ конвоемъ въ Валаамскій монастырь. Тамъ просидѣлъ онъ нѣсколько лѣтъ въ тѣсномъ заточеніи, наконецъ духовное начальство сжалилось надъ раскаявшимся грѣшникомъ: въ 1840 году онъ назначенъ настоятелемъ Тверскаго Отроча, а потомъ Желтикова монастыря, гдѣ и скончался въ 1865 году.

Платонъ Ивановичъ Доброхотовъ, магистръ 1-го курса, экстраординарный профессоръ, коллежскій совѣтникъ, преподавалъ эстетику и теорію всеобщей словесности. Я посѣщаль эти лекціи очень внимательно; но эстетику понималъ плохо, по необыкновенно-трудному изложенію; впрочемъ и нѣкоторые изъ студентовъ признавались мнѣ, что также не понимаютъ лекцій, хотя и записываютъ ихъ. Въ первые годы онъ держался лекцій своего предшественника Бажанова, но потомъ составилъ свои записки. Изъ конспекта его сочиненій видно, что онъ широко разработалъ свой предметъ, составилъ строго научный планъ словесности и свои воззрѣнія проводилъ въ строго-философскомъ духѣ. Видно, что онъ держался преимущественно Якоби. Лекціи его по теоріи словесности и особенно разборы разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ были весьма занимательны и отличались глубиною и тонкостію анализа. Самая личность Плат. Ив. была очень замѣчательна: онъ обладалъ необыкновеннымъ остроуміемъ и способенъ былъ отпускать ѣдкия насмѣшки. Ученыхъ монаховъ онъ не любилъ, впрочемъ и они (кромя ректора Поликарпа) платили ему взаимностію. Онъ увѣрилъ, что главная добродѣтель ихъ состоитъ будто бы въ „смиренно-лукавствіи“. При постриженіи одного изъ студентовъ шестаго курса (если не ошибаюсь, о. Іоанна Чистякова), онъ подошелъ вслѣдъ за другими, чтобы поздравить новопостриженнаго и сказать ему: „поздравляю съ образомъ ангельскимъ“. Затѣмъ, обратясь къ студентамъ пѣвчимъ, прибавилъ: „а васъ, господа, съ сохраненіемъ образа Божія“. Инспекторъ Евлампій озлобился на эту остроту и долго не могъ простить Платону Ивановичу „такое зловерное кощунство“, по его мнѣнію, посреди храма Божія. Скончался въ 1835 году. Незадолго до переѣзда въ Москву, я сталъ было посѣщать математическія лекціи ординарнаго профессора Петра Спиридоновича Делицына, перваго магистра перваго курса Академіи. Тогда я мало зналъ его и, признаюсь, весьма мало воспользовался его лекціями, по всегдашней моей неспособности къ математическимъ наукамъ. Этотъ досточтимый профессоръ, вполнѣдствіи протоіерей, при обширномъ знаніи своего предмета, имѣлъ большую способность къ поэзіи, что видно по одѣ его, написанной по случаю пріѣзда въ Лавру императора Николая I.

Въ началѣ оды онъ говоритъ о предкахъ, смотрящихъ съ неба на новаго повелителя Россіи:

„Къ земной въ нихъ родинѣ любовь
Небесную волнуетъ кровь“,

и еще слѣдующіе стихи въ честь Цесаревича Константина и отреченія его отъ права на престолъ:

„Не за корону споръ возсталъ,
„Но каждый быть слугой желалъ:
„Какія титла знамениты
„Тому воздать, кто счель ничѣмъ
„Слльнѣйшимъ въ мірѣ быть царемъ“.

„Какъ мощный левъ возлегъ у трона,
„Нашъ витязь, дивный Константинъ,
„Престола щить и оборона:
„Средь Павловыхъ еще дружинъ,
„На Альпахъ лавры пожиная,
„Онъ Александрову вель рать
„Свободу міру искупать,
„И Николаю сталь десная.
„Кто тамъ дерзнетъ извѣдать силъ,
„Гдѣ онъ и бодрый Михаилъ“?

Когда при Академіи начали издавать Творенія св. отцевъ, онъ постоянно просматривалъ и поправлялъ переводы свято-отеческихъ твореній, сохраняя полную близость къ подлиннику и вмѣстѣ съ тѣмъ чистоту и легкость русскаго языка. Скончался 30 ноября 1863 года, прослуживъ при Академіи 45 лѣтъ.

Чтобы дополнить свои познанія въ греческомъ языкѣ, я не пропускалъ почти ни одного класса у искренняго моего друга А. И. Сергіевскаго, посѣщалъ также Еврейскій классъ товарища его Ив. Ник. Богоявленскаго, уроженца Долго-руковскаго села Опарина. Онъ хорошо зналъ свой предметъ и занимался сперва усердно, хотя иногда попивалъ (эта несчастная страсть была наслѣдственной въ его семьѣ), но, къ несчастію, влюбился въ ту же дѣвушку, къ которой сватался Сергіевскій. Невѣста и родня ея очень благо-разумно предпочли послѣдняго. Послѣ этой свадьбы, Богоявленскій сталъ задумываться и оказывать разстройство

ума, къ чему много способствовало и то, что отъ несчастной любви онъ искалъ утѣшенія въ служеніи Бахусу; въ 1833 году онъ долженъ былъ оставить службу при Академіи. Впослѣдствіи мнѣ случалось встрѣчать его въ самомъ жалкомъ видѣ, скитавшагося съ мѣста на мѣсто. Но и въ этомъ жалкомъ положеніи онъ еще помнилъ хорошо по еврейски; умеръ въ Москвѣ около 1850 года.

Сближеніе со студентами возбудило во мнѣ желаніе поступить въ число ихъ, и мать моя просила митр. Филарета о допущеніи меня къ экзамену въ 1830 году. Къ сожалѣнію, владыка нашель это невозможнымъ и несогласнымъ съ уставомъ, хотя послѣ было нѣсколько примѣровъ поступленія дворянъ въ духовныя академіи. Послѣ этого отказа мнѣ пришлось готовиться не къ академическому, а къ университетскому экзамену.

Приближалось время нашего переѣзда въ Москву. Тяжело мнѣ было разстаться съ незабвеннымъ наставникомъ моимъ; сердце мое было наполнено глубокимъ уваженіемъ, любовью и признательностію къ человѣку, которому я былъ такъ много обязанъ. И можно ли было, при такихъ близкихъ сношеніяхъ съ Ѳ. А., не чтить и не любить его? Во всю мою жизнь я не встрѣчалъ человѣка равнаго ему по уму и сердцу. Объ ученыхъ трудахъ его я упомянулъ уже выше; но не могу удержаться, чтобы не сказать теперь, хотя нѣсколько словъ, о нравственномъ его характерѣ.

Въ числѣ добродѣтелей его главное мѣсто занимало смиреніе. Окруженный всеобщимъ уваженіемъ, онъ никогда не ставилъ себя выше другихъ, самого себя судилъ строго, но ко всѣмъ былъ всегда снисходителенъ; всегда готовъ былъ выслушать и внимательно обсудить мнѣніе каждаго, не настаивая упорно на своемъ собственномъ мнѣніи. Въ немъ сильно развито было человѣколюбіе и въ особенности уваженіе къ человѣческому достоинству: въ отношеніяхъ своихъ къ людямъ онъ не обращалъ вниманія ни на различіе состояній, ни даже на уровень образованія; для каждаго было у него готово слово назиданія, добрый совѣтъ, сердечное участіе въ скорбяхъ или радостяхъ того, кто приходилъ къ нему. Онъ умѣлъ открыть нѣчто доброе въ каждомъ человѣкѣ, умѣлъ довести каждаго въ бесѣдѣ съ нимъ до поучительной мысли или до назидательнаго раз-

сказа. Ни въ комъ не видѣлъ или не желалъ видѣть зла, никого не осуждалъ и всегда находилъ какія нибудь облегчающія вину обстоятельства. Въ исполненіи своихъ обязанностей онъ былъ необыкновенно добросовѣстенъ: каждую лекцію обдумывалъ и обрабатывалъ по нѣскольку часовъ сряду; каждое студенческое сочиненіе или переводъ исправлялъ со всевозможною тщательностію: при занятіяхъ по цензурѣ духовныхъ книгъ онъ не ограничивался, подобно другимъ цензорамъ, строгимъ наблюденіемъ, чтобы въ рукописи не оказалось чего нибудь недозволительнаго, но исправлялъ въ ней мысли и слогъ, дополнялъ содержаніе и вообще старался придать ей возможно лучшей видъ. Нѣсколько разъ былъ онъ ревизоромъ семинарій и духовныхъ училищъ, и каждая изъ этихъ ревизій стоила ему огромныхъ трудовъ, послѣ каждой ревизіи онъ представлялъ образцовые отчеты, въ которыхъ поставлялъ на видъ, описывая яркими красками, всѣ заслуги начальниковъ и преподавателей обрѣзванныхъ имъ учебныхъ заведеній; не скрывалъ недостатковъ, указывая при томъ на мѣры исправленія. Чувство корысти было чуждо благородной душѣ О. А.: при самыхъ скромныхъ средствахъ къ содержанію, онъ никогда не заботился о приобрѣтеніи денегъ. Такъ напр. за ежедневныя занятія со мной (никогда не менѣе двухъ часовъ въ день, а часто и болѣе) онъ самъ назначилъ себѣ жалованье самое скудное — по 25 руб. ассигнаціями въ мѣсяць и никогда, не смотря на просьбы моей матери, не хотѣлъ соглашаться на возвышеніе этого ничтожнаго оклада. Онъ любилъ помогать своимъ бѣднымъ роднымъ; охотно давалъ деньги, сколько могъ, приходившимъ къ нему бѣднымъ, знакомымъ и незнакомымъ; нерѣдко давалъ займы оканчивающимъ курсъ бѣднымъ студентамъ и часто безъ отдачи.

Въ сентябрѣ 1829 года снова повторилось требованіе студентовъ изъ Академіи въ канцелярію Его Величества для высшаго юридическаго образованія; но на этотъ разъ отправили желающихъ поступить туда добровольно, а не принуждали лучшихъ студентовъ, какъ было при первомъ требованіи. Вызвались на это поприще студенты 7-го курса: Иванъ Васильевичъ Платоновъ и два брата Баршевыхъ — Яковъ и Сергѣй Ивановичи. Они явились во II-е отдѣленіе

канцеляріи Его Величества. Послѣ двухгодичнаго слушанія лекцій по правовѣдѣнію въ томъ же отдѣленіи и въ Петербургскомъ университетѣ, они слушали лекціи въ Берлинскомъ университетѣ, причемъ Платоновъ въ свободное время, по приглашенію, обучалъ двухъ сыновей графа Д. Н. Блудова и преподавалъ русскій языкъ принцу прусскому Адальберту. По возвращеніи въ Петербургъ и по выдержаніи экзамена на степень доктора правъ, всѣ трое опредѣлены профессорами университетовъ, Платоновъ—Харьковскаго, Я. И. Баршевъ—Петербургскаго и С. И. Баршевъ—Московскаго.

Я былъ близко знакомъ съ ними во время студенчества ихъ въ Академіи; съ Платоновымъ былъ даже въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ почти ежедневно преподавалъ катихизисъ, русскую словесность и географію сестрѣ моей, которая была моложе меня на пять лѣтъ. Незадолго до отъѣзда въ Петербургъ, онъ, во время вакаціи, гостилъ у насъ въ Каменкахъ. По отъѣздѣ его въ Петербургъ, учителемъ сестры моей сдѣлался, по выбору Ѳ. А. Голубинскаго, оди́нъ изъ лучшихъ студентовъ VII курса—Ив. Мих. Смирновъ, человекъ солидный, умный, очень осторожный и не безъ хитрости. Послѣ онъ былъ профессоромъ философіи въ Тульской семинаріи и протоіереемъ. Онъ составилъ логику для употребленія въ семинаріяхъ, передѣлавъ для того нѣмецкую логику Бахманна. За это въ Тульской семинаріи прозвали его самого Бахманомъ. Скончался въ 1860-тыхъ годахъ. Въ этомъ курсѣ я имѣлъ еще двухъ друзей: Димитрія Григорьевича Гумилевскаго, постригшагося въ монашество съ именемъ Филарета, и Александра Ѳедоровича Кирьякова. Филаретъ былъ тогда однимъ изъ самыхъ даровитыхъ и трудолюбивыхъ студентовъ и постоянно былъ для меня образцомъ въ учебныхъ занятіяхъ. Оставленный, по окончаніи курса, на службѣ при Академіи, онъ сохранилъ доброе ко мнѣ расположеніе, будучи не только инспекторомъ и послѣ ректоромъ Академіи, когда я, по желанію его, приводилъ въ порядокъ и описывалъ академическій минеральный кабинетъ, но и позднѣе, во время своего архипастырства въ Харьковѣ и Черниговѣ. Ученые труды преосв. Филарета приобрѣли ему такую всеобщую извѣстность, что нѣтъ надобности перечислять ихъ. Я ви-

дѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ, на 50-лѣтнемъ юбилеѣ Академіи, въ 1864 году, а прежде того, когда я писалъ о древностяхъ Ростова, Новгорода и Пскова, имѣлъ отъ него нѣсколько поучительныхъ писемъ. Онъ скончался отъ холеры, во время объѣзда епархіи, въ г. Конотопѣ, 9-го августа 1866 года.

А. О. Кирьяковъ, юноша привлекательной наружности, съ тихимъ и скромнымъ характеромъ и весьма ласковымъ обращеніемъ, былъ мнѣ искреннимъ другомъ въ послѣдніе два года своего студенчества. Онъ окончилъ курсъ магистромъ и получилъ мѣсто преподавателя въ Калужской семинаріи, откуда въ 1833 году переведенъ въ Московскую. Потомъ онъ состоялъ на службѣ въ Московской синодальной типографіи.

Изъ студентовъ восьмаго курса, товарищей моихъ по слушанію лекцій, я былъ особенно друженъ съ двумя: Алекс. Вас. Горскимъ и Андреемъ Абрамовичемъ Аѣиновымъ. При записываніи лекцій, при объясненіи непонятныхъ для меня мѣстъ, особенно въ греческомъ классѣ, Горскій постоянно былъ моимъ руководителемъ и помощникомъ. Онъ былъ несравненно болѣе развитъ, нежели я, не смотря на то, что мы были ровесниками ¹⁾. И въ послѣдующее время, когда онъ уже былъ знаменитымъ профессоромъ, а я еще только начиналъ заниматься духовно-историческою литературою, онъ много помогалъ мнѣ своими указаніями и наставленіями. Не стану описывать его ученой дѣятельности, извѣстной не только въ Россіи, но и за границей; скажу только, что кончина его, 11-го октября 1875 года, была для меня искренней скорбью.

А. А. Аѣиновъ отличался живымъ, веселымъ характеромъ, острою ума и способностію очень легко писать стихи. Въ сообществѣ съ товарищами онъ былъ всегда, какъ говорится, душою бесѣды. Окончивъ курсъ магистромъ, онъ получилъ мѣсто преподавателя семинаріи на родинѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Я видѣлъ его тамъ въ 1870 году соборнымъ протоіереемъ, тяжело страдавшимъ отъ паралича и почти недвижимымъ. Вскорѣ послѣ того онъ скончался.

Въ послѣднее время пребыванія моего въ Сергіевскомъ

¹⁾ Мы оба родились въ 1812 году, я—въ маѣ, а онъ—въ августѣ.

Посадѣ, передъ переѣздомъ въ Москву, я усиленно занимался повтореніемъ всего, что было мною пройдено, часто вставалъ даже ночью, зажигалъ свѣчу и принимался за книги: такъ пугалъ меня предстоящій университетскій экзаменъ. Однажды я увидѣлъ во снѣ, что экзаменъ начался и я долженъ рассказывать исторію Тридцати-лѣтней войны. Отвѣчая во снѣ на вопросъ, я замялся, забывъ имена нѣсколькихъ Нѣмецкихъ князей, защищавшихъ право протестантовъ. Проснувшись отъ страха, я постарался вытвердить все, что могъ найти объ этомъ предметѣ, не только въ учебникѣ Кайданова, но и въ другихъ историческихъ книгахъ, какія были у меня подъ рукою, и въ слѣдующія затѣмъ дни прочелъ со вниманіемъ цѣлую книгу Шиллера: „Исторія 30-лѣтней войны“. Совѣ мой оказался знаменательнымъ: на университетскомъ экзаменѣ Погодинъ (тогда еще адъюнктъ по предмету исторіи въ этико-политическомъ факультетѣ) спросилъ меня о подвигахъ Густава Адольфа въ Германіи и о сраженіи при Люценѣ. Я сталъ отвѣчать съ самаго начала, съ возмущенія въ Чешской Прагѣ, подробно рассказывалъ ходъ войны шагъ за шагомъ, говорилъ о Тилли, Валленштейнѣ, Густавѣ Адольфѣ и другихъ замѣчательныхъ лицахъ этой войны. Экзаменаторъ остолбенѣлъ отъ удивленія и спросилъ меня: „Да кто же училъ васъ?—Я отвѣчалъ: „*Ө. А. Голубинскій*“.—„Теперь не удивляюсь“, сказала Погодинъ.

Настало наконецъ для меня время разлуки съ Лаврою. Послѣ напутственнаго молебна, при ракъ мощей преп. Сергія, благодѣтельный наставникъ мой *Ө. А.* передалъ мнѣ на память миниатюрную латинскую книжку *Өмы Кемпійскаго* „*De imitatione Iesu Christi*“—О подражаніи Иисусу Христу, съ слѣдующею надписью: „*Conservet te Dominus ab omni malo! Dignetur te Dominus eo practiosissimo dono, ut regium, quod hic indicatur, iter amore amplectaris et introcas! Largietur tibi Dominus veram humilitatem et cor purum castumque, quod Illum Ipsum, vitae Fontem, amore plenum, avide quaerat ac diligit! Alliciat te Dominus ad Se Ipsum, eo modo, eoque tempore, quo Ipsi placuerit. Tuus T. G.* („Да сохранить тебя Господь отъ всякаго зла! да сподобить тебя Господь драгоценнѣйшаго дара—возлюбить указанный здѣсь царскій путь и вступить на него! Да да-

руеть тебѣ Господь истинное смиреніе и сердце чистое, цѣломудренное, готовое искать и любить Его Самого, Источникъ жизни, любовію преисполненный! Да привлечетъ тебя Господь къ Себѣ, такъ и тогда, какъ Ему будетъ угодно. Твой *Θ. Г.*“).

На другой день, 24 августа 1830 года, мы выѣхали изъ Посада и тѣмъ оканчиваются мои воспоминанія о пребываніи и ученіи моемъ у порога Московской Духовной Академіи, подъ кровомъ преподобнаго Сергія.

Графъ Михаилъ Толстой.
